Социум

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Нормативно-оптимальная модель Дрора против постправды и постдоверия

Алевтина Владимировна Шевченко[a]

EDN: OMSIQQ

[a] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: Статья обращает внимание специалистов информационно-аналитических структур органов государственного управления на необходимость пересмотра методологического аппарата обеспечения разработки политико-управленческих решений в условиях становления постлиберального общества, основанного на принципах консерватизма. Аналитико-прогностические модели, эффективные в упорядоченных правилами менеджеризма экономических и социально-политических средах, утрачивают актуальность в новых обстоятельствах, обусловленных возросшей до критических уровней неопределенностью в сферах политики, экономики, психологии и качественными изменениями информационно-коммуникативного пространства государственно-гражданских отношений. Под влиянием идей постмодерна и либерализма объективная реальность подверглась преднамеренным трансформациям посредством многообразных симуляций – от симулякров до постправды. Запущены процессы разрыва не только структурно-функциональных, но и генетических связей феномена власти. Поиск моделей управления в условиях «новой нормальности» пока не увенчался эвристическими прорывами. Но есть настоятельная необходимость пересмотреть аналитическое наследие эпохи предпостмодерна, содержащее модели с инновационным компонентом, предвосхищавшим грядущие искажения процессов управления. К таким аналитическим артефактам относится нормативно-оптимальная модель известного методолога управления И. Дрора.

Ключевые слова: массмедиа, модель управления, политико-управленческий цикл, постлиберализм, постправда, постдоверие, принятие решений

Дата поступления статьи в редакцию: 17 февраля 2026 года.

Dror's Normative-Optimal Model in the Context of Post-Truth and Post-Trust

Alevtina V. Shevchenko[a]

RESEARCH ARTICLE

a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract: The article draws the attention of specialists working in the information and analytical structures of public administration to the need to revise the methodological framework supporting political and managerial decision-making in the context of an emerging post-liberal society grounded in conservative principles. Analytical and predictive models are effective in economic and socio-political environments governed by managerialism. However, they lose their relevance in new circumstances arising from uncertainty in politics, economics, and psychology, as well as qualitative changes in the state-citizen information and communication space. Objective reality has undergone deliberate transformations under the influence of postmodernism and liberalism, through a range of simulations, from simulacra to post-truth. The phenomenon of power is being dismantled in multiple ways. Not only are its structural and functional ties being severed, but its genetic ties are also being broken down. The search for governance models in the context of the «new normal» has not yet yielded any significant breakthroughs. At the same time, there is a pressing need to revisit the analytical legacy of the pre-postmodern era, which contains models with innovative components that anticipated future distortions in governance processes. Among such conceptual constructs is the normative-optimal model developed by the prominent management theorist Yehezkel Dror.

Keywords: mass media, governance model, political-administrative cycle, post-liberalism, post-truth, post-trust, decision-making

Received: February 17, 2026.

Введение

Характерная для набирающей темпы смены либеральной теории и наступления эпохи постлиберализма хаотизация процессов политического управления понуждает политическую науку к очередному развороту – в сторону теорий управления, фундирующих модели политико-управленческих практик середины 60-80-х годов прошлого столетия, вытесненных концепциями наступившей эпохи постмодерна и менеджеризма [Дегтярев, 2004; Логинов, 2011. С. 9–19; Телин, 2025. С. 25–32]. Устоявшим в процессе анархизации политического управления принципом, относительно которого раскручивается спираль развития политической системы в новых условиях, выступает принцип цикличности, обусловливающий как периодичность электоральных периодов, так и процедуры разработки и принятия политико-управленческих решений и устанавливающий хронотопологические, информационные и организационные параметры обеспечения устойчивости процесса. При этом, как показала динамика научно-технологического освоения свойств информации, именно информационный параметр является управляющим элементом цикла, влияя на его логику, плотность и конфигурацию [Соколов, 1994; Шевченко, 2005].

Принцип цикличности стал определяющим в совокупности политико-управленческих моделей, доминирующих на определенных периодах развития информационных ресурсов политических систем. К первой группе относятся модели, сформированные в рамках процессуального подхода с подробной детализацией структуры (фазовости) цикла: девятифазовая модель Б. Хогвуда и Л. Ганна; семифазовая модель политико-управленческого цикла У. Дженкинса; нормативно-оптимальная модель И. Дрора (18 фаз). Здесь с наибольшей тщательностью проработаны схемы коммуникативно-коммуникационных фаз принятия политико-управленческих решений, сопоставимых с информационными характеристиками власти (по К. Дойчу).

Экономикоцентричность менеджеризма вызвала к жизни шести- и пятифазовую модели Дж. Андерсона и У. Данна, Р. Май Кенли и Д. Паламбо и др. Сокращение стадий политико-управленческого цикла в пользу алгоритмизированного администрирования и ускорения процессов подготовки итогового решения привело к уменьшению объема процедур при работе с информационными ресурсами, наполняемыми по каналам обратной связи с объектом управления, что негативно отразилось на когнитивно-рефлексивном качестве управленческой деятельности.

Переложение когнитивных функций руководителя на различные аппаратные информационно-аналитические средства, включая оснащенные искусственным интеллектом, не восполняет ущербы, возникающие в системе человеко-мерных отношений, обнимаемых емким понятием «служение»: понимание, доверие, эмпатия и др. Обращение к многофазовым моделям политико-управленческого цикла увеличивает возможности более качественной работы с информационными ресурсами, обусловленными особенностями постлиберального периода развития общества.

Постлиберальные трансформации объекта политико-управленческой деятельности

Схему становления постлиберального общества, основанного на принципах постлиберального консерватизма, представил американский политический теоретик П. Денин (P. Deneen) [Deneen, 2023]. Ее содержательное наполнение находим и в разработках китайских аналитиков, выделивших ряд отличительных информационно-политических признаков **постлиберализма:** политизация все большего числа социальных сфер; ослабление демократического (мажоритарного) принципа; социальный и политический популизм; навязывание идеологического консенсуса как основного средства обеспечения социальной сплоченности и согласованности; ограничение прав и свобод граждан в конкретных областях (свободы слова, СМИ, исследований); культура исключения из общества посредством публичной дискредитации через кампании в СМИ; появление феномена «инакомыслия»; цензура [Земанек, 2023. С. 82–99]. Уже этот набор признаков, естественно, вариативный для разных стран, указывает на необходимость пересмотра доминирующих менеджеральных моделей, начиная со стадии формирования политической повестки дня и необходимого совмещения ее целей с медийной повесткой для формирования качественного информационно-коммуникативного пространства и установления адекватных каналов обратной связи относительно ключевых проблем принятия политико-управленческих решений. Эти обстоятельства приводят поиск оптимальной модели принятия государственных решений к методологии И. Дрора, воплощенной им в синтетической модели, объединяющей политическую и административную основы управления на подробно разработанной информационно-коммуникативной основе.

Критикуемая за громоздкость и неудобства в оперативной аналитике (18 фаз и 36 подфаз) модель содержит в своей структуре механизм совершенствования политического курса и реформирования самой системы принятия государственных решений (рациональный компонент), опирающийся на принцип обратных связей и открытых коммуникаций (экстрарациональный компонент), образующих

связную структуру цикла, представленную последовательными, параллельными и перекрестными целеориентированными связями. «Таким образом, политико-управленческий цикл получает не замкнутую и консервативную конфигурацию, а носит открытый (для разработанных коммуникаций) и инновационный (для улучшения самой системы) характер» [Дегтярев, 2004].

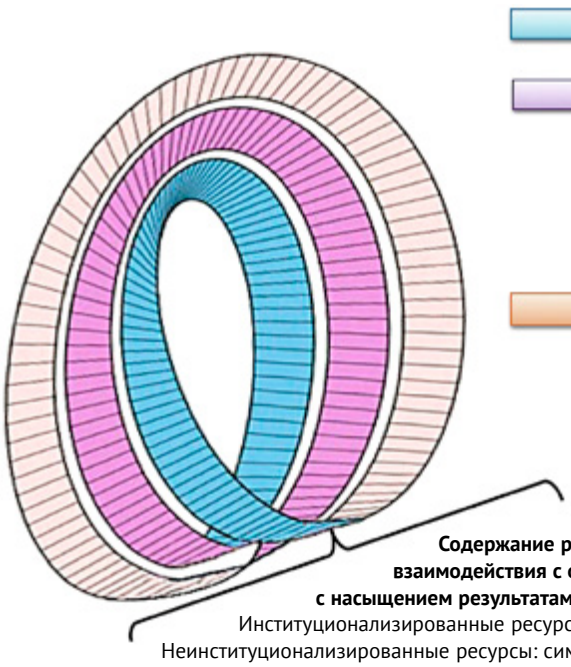
При этом рациональные и экстрарациональные компоненты связаны с традиционными для политического анализа методами сбора и обработки информации, с использованием критериев эффективности и экономической обоснованности государственных решений. Осознание разработчиком факта отсутствия в известных ему моделях экстрарациональных компонентов сформировало его решение обеспечить ими создаваемую модель. Учитывая основные свойства государственной власти, представляющие проявление воли управляющего субъекта и управляемого объекта, И. Дрор распределяет ресурсы экстрарационального компонента по всем стадиям политико-управленческого цикла, включая морально-психологические мотивы, связанные с интуицией и воображением, ценностными ориентирами и эмоциональным восприятием, придавая им доминирующее влияние на характер и содержание самого процесса принятия решений, с условием коррекции рациональных компонентов.

Соотношение удельных весов рациональных и экстрарациональных компонентов зависит от содержания конкретных фаз политико-управленческого цикла и характера субъективной интерпретации проблемных ситуаций. По максиме, выведенной классиком управленческой бюрократии Вильгельмом фон Гумбольдтом, все неудачи, которые терпит государство, в конечном счете всегда связаны с некомпетентностью бюрократов, не способных ни должным образом понять волю людей, ни осуществить ее [Фулер, 2020. С. 58].

Графическое отображение модели стадиального управленческого цикла имеет традиционную конфигурацию, нагляднее всего представляемую в виде ленты Мебиуса, где в едином интерпретационном замысле выделена каждая стадия хронотопологии политико-управленческого процесса, по восходящей обеспечивающая информационными ресурсами каждый виток цикла, соединяющая процессы управления посредством прямой и обратной связи. Эвристичность упорядочивания процессов управления прослеживается на развороте ленты, отображающей логическое сопряжение процедур и операций, обусловленных качеством циркулирующей информации. Фактически информационно-коммуникативная подфаза третьей стадии цикла должна быть вписана в каждую стадию с наделением специфическими функциями в соответствии с целевым назначением стадии.

Таким образом, концепция И. Дрора относится к классу рефлексивно-мотивационных моделей, обладающей той мерой сложности, которая соотносима

Рисунок. Модель Дрора стадиального управленческого цикла
Figure. Dror's Stage-Based Model of the Management Cycle

Метастадия
(Meta policy-making stage)

Стадия выработки решений
(Policy-making stage)
Рациональные компоненты:
сбор и обработка информации,
использование научных знаний,
критериев эффективности и
экономической обоснованности
решений

Постстадия
Экстрарациональные компоненты,
коммуникация и обратные связи;
- морально-психологическая мотивация;
- интуитивное постижение сущего;
- воображение;
- ценностные ориентации;
- эмоциональное восприятие

Содержание ресурсов информационно-коммуникативного взаимодействия с объектом управления на постстадии цикла с насыщением результатами метастадии и стадии принятия решений:
Институционализированные ресурсы: медиапродукты традиционных и новых СМИ и СМК;
Неинституционализированные ресурсы: симуляционные продукты медиа Web 2.0

со сложностью современного объекта управления, и критическое отношение к ней уступает место признанию ее оптимальности в условиях неопределенности информационной картины мира политического в условиях исчерпания мироустроительного потенциала либерализма и становления постлиберального общества.

Информация vs коммуникация: смена основы политико-управленческого цикла

Со времен включения в теорию политического управления системного подхода и кибернетической теории информационной составляющей моделей разработки, принятия и реализации политико-управленческих решений доминировали различные нормативные модели, напитанные фактуальной информацией. В период царствования постмодернистских мироустроительных идей факт как аргументированное обстоятельство и его интерпретации с позиций диалектического (логичного, рационального) подхода утратили возможности быть мерилом объективности, потесненные сюрреалистическими накладками на реальную действительность в виде гиперреальности [Бодрийяр, 2015]. Формируемая в процессе симуляции реальности и накопления континуумов симулякров, она постепенно, но неотвратимо выдавливает собственно факт как *со-бытие* на периферию когнитивных структур психики, изменяя свойства управляемости политической системы.

Динамика трансформации управленческого ресурса фиксируется на информационно-коммуникативной фазе модели И. Дрора, чему способствует разработанная Ж. Бодрияром четырехступенчатая конструкция формирования симулякра: отражение базовой реальности; последующее искажение и маскировка данной реальности; подлог реальности и сокрытие непосредственного отсутствия реальности (отсутствие модели) – собственно симулякр; полная утрата связи с реальностью, скрывающей, что оригинала нет [Бодрияр, 2015]. В частности, замена базовой реальности на фиктивные акты, не соответствующие действительному положению дел, фиксируется отрицательными коннотативными значениями, влияющими на оценку качества объекта управления: фальшивость, ложность, мнимость, вымышленность и даже дутость и липовость[1]. Рефлексивные механизмы, задействованные в информационно-коммуникативной фазе цикла, предупреждают об опасности получения недостоверной информации, непригодной для использования в разработке управленческого решения, распространяя сигнал повышенного внимания к симуляционной области по всем фазам управленческого цикла.

Особую сферу симуляций публичного информационного пространства формируют симулякры, производимые в самой управляющей структуре. Они объединены общим понятием «политический популизм», понимаемый как идеология, стратегия и дискурсивный стиль, организующий коммуникацию, направленную на привлечение поддержки широких народных масс с помощью простых, эмоционально заряженных лозунгов, обещаний и манипуляций [Баранов, 2015. С. 25–36; Агаев, 2020. С. 46–52; Шавеко, 2024. С. 514–521]. Популизм опирается на ресурсы медиакоммуникаций с активным включением средств массовой информации, для того чтобы «склонить большинство к внутреннему и публичному согласию с политикой, которая не обязательно будет проводиться в интересах населения» [Политика постправды…, 2018. С. 257]. Политические симулякры в популистском дискурсе возникают как ответ на запросы электората, испытывающего тревогу от глобальной или локальной социально-политической и экономической неопределенности, недостатка эффективных решений насущных проблем органами власти и т.д. При отсутствии реальных действий, способных удовлетворить потребности населения в качественной информации о настоящем положении дел, власть предержащие отвлекают общественное мнение популистскими приемами ведения публичной коммуникации с целью создания «управляемой реальности» через формирование симуляционной действительности. В условиях социального напряжения политический популизм, нацеленный на планируемую рефлексивную реакцию, расценивается как разновидность агрессивной социальной демагогии, «которая подчас становится настолько самодостаточной, что теряет даже свое идеологическое обоснование в виде породившего ее популизма» [Политика постправды…, 2018. С. 305].

При этом медиапространство весьма пластично для поддержания такого рода дискурса, о чем свидетельствует зримое ослабление критической интенции отечественной журналистики в так называемых традиционных СМИ и ангажированное тиражирование популистских нарративов в неинституциализированном сегменте медиапространства, представленном медиаресурсами, относящимися к Веб 2.0.

Исследователи отмечают и такую комбинацию политико-медийных приемов трансляции популистского дискурса: смещение целей коммуникации с электорально значимого большинства на политическую элиту для создания каналов влияния на разработчиков и исполнителей принимаемых решений или проверки реакции адресатов на новые вводные, еще не вброшенные в публичное пространство [Политика постправды…, 2018].

1 Словарь синонимов. https://rustxt.ru/dict/фиктивность?ysclid=mnbh68e5g43734956735

Совмещение политической и медийной популистских повесток как в институцианализированном, так и в неинституцианализированном информационно-коммуникативном пространстве усиливает эффекты взаимного обмана: обе стороны политической коммуникации знают о несостоятельности транслируемых программ, но вступают в негласный сговор, удовлетворяя каждый свои интересы, нередко не только идеальные.

При этом не следует игнорировать политико-управленческую закономерность, отмеченную А.И. Соловьевым: «…в подавляющем большинстве случаев социальная энергия граждан становится лишь одним – и далеко не решающим – источником влияния на позиции политико-административных акторов. На всех политико-административных площадках (включая официальные институты, находящиеся под контролем элит) доминирующая роль различных структур правящего класса сохраняется, что позволяет ему формулировать от имени общества и определять как содержание «общественных благ», так и конкретные цели государства [Соловьев, 2015. С. 132].

Присущее популизму упрощенчество, массмедийная «редукция смыслов» создают ложное представление о наличии в процессе политического управления субъект-субъектных свойств. Перманентное снижение интереса массы к участию в политической жизни и отсутствие запроса на публичное разоблачение популизма – эта характеристика общественной среды не может оставаться вне поля аналитиков, обеспечивающих функционирование политико-управленческого цикла принятия решений. Как и представление о том, что коммуникативное пространство как источник знаний об объекте политического управления строится с акцентом не на рационализм и логику, а на аффективно-эмоциональную сферу потребителя масс-медиа: страх, предубеждение, сострадание, отклик, личные убеждения и т.п. [Савельева, 2024. С. 80–86].

От постправды к постдоверию

Созданная таким образом квазиреальная среда, где возможно распространение симулякров, ложных фактов (фейков), соответствующих эмоциональному настрою потребителя и политическим целям управляющего субъекта, становится информационным плацдармом разрастания смысловой неопределенности и вызревания явления, именуемого постправдой.

Как отмечают исследователи этого порождения эпохи постреализма и либерализма, потребовалось 25 лет эмпирического событийного опыта и его теоретического осмысления, чтобы супермегатренд постправды уже к началу 2010-х годов получил всемирное распространение и широкое признание и осознание в научном сообществе. В Оксфордском словаре понятие постправды атрибутировано пониманием того, что постправда возникает «ради подчинения реальности политике», паразитируя на противопоставлении рационального и импульсивно-иррационального фактов личным чувствам и убеждениям [Феофанов, 2023. С. 36–51; Родосский, 2023].

Онтологическое содержание постправды объясняется кризисом соотношений смыслов, заложенных в феноменах факта, правды и истины. При множестве толкований сущности этих фундаментальных категорий общим признается различие в природе факта и правды как более объективного и более субъективного, в то время как истина трансцендентальна и выступает коррегирующим фактором в поиске сущего смысла в явлениях симуляции и постправды.

Но ее проясняющая сила оказывается бесполезной, если в обществе устанавливается некий собственный «режим истины», когда «истинным признается сообщение, созданное в рамках интерпретации, утвердившей свой приоритет, победившее в борьбе за «модальную власть», т.е. за право провозглашать истины, устанавливать «правила игры» в знание, определять и устанавливать такие модальности, как «возможное» и «допустимое» [Гарбузняк, 2019. С. 185–186; Шевченко, 2019. С. 11]. При таких условиях принятие политико-управленческого решения имеет весьма неустойчивую информационную основу и создает угрозу нарушения нормального функционирования объекта управления.

Новые вызовы аналитическому сообществу концентрируются в виртуальных политико-коммуникативных пространствах. В контексте постправды виртуальная политика как продукт цифровизации ряда политических процессов превращается в симулякр реальной политики, «означающий деполитизацию не игровой, а реальной политики посредством делегитимации смысла политической дискуссии» [Политика постправды…, 2018].

Проникновение продуктов постправды в общество, испытывающее политический дискомфорт от неопределенностей постлиберального перехода, усугубляет самое основу государственно-гражданских отношений – доверие между населением и органами управления. Отмечаемое в мировом масштабе истощение общественного капитала доверия вызвало сомнения в возможности его использования в качестве параметра порядка организации мировой политической системы: «Доверие выделяется обществом ситуативно, кратковременно и в весьма умеренных дозах. Невелик кредит доверия, который выдается обществом социальным группам, отдель-

ным персонам, предметам и явлениям» [Ефанов, 2018. С. 89–94].

Этот вывод систематически подтверждается статистикой падения доверия к политическим институтам и персонам, включая глав государств и других представителей высших уровней власти, собственно ветвям власти, международным организациям и т.д. В ряду причин недоверия, например, к средствам массовой информации значится использование СМИ для манипулятивного воздействия на граждан, особенно в предвыборных кампаниях [Ненашева, 2014].

Парный критерий оценки качества субъект-объектных отношений – «недоверие» – не имеет позитивной коннотации и отражает состояние общественного сознания после утраты доверия к власти: сомнение, неуверенность, скептицизм, подозрительность, отчаяние, презрение, остракизм. Воистину, постправда рождает постдоверие. Может ли политик, принимающий управленческое решение, игнорировать эти состояния, открыто или латентно существующие за цифрами остатка после вычитания показателя доверия?

Заключение

Оценивая вклад И. Дрора (заметим, автора бестселлера своего времени «Безумные государства» («Crazy States»), 1971 г.) в развитие теории и методологии социального управления в наступающую эпоху постмодерна, его современник с горечью заметил: «В значительной степени мир движется против Дрора, и это прискорбно». Концепция нормативно-оптимальной модели политико-управленческого цикла И. Дрора, дающая возможность остановить деструктивные изменения посредством «умного» государственного управления, либо использовалась в усеченных вариантах, с исключением «лишних» фаз, либо была вовсе вытеснена моделями «хорошего управления». Несостоятельность либеральной теории, фундирующей трансформации государственного управления, с очевидностью демонстрирует опрометчивость такого отношения к аналитическому наследию. В условиях постлиберального переустройства внедрение нормативно-оптимальной модели политико-управленческого цикла И. Дрора в практику методологического обеспечения разработки управленческих решений станет реальным механизмом качественной оценки состояний объекта управления. Архитектура модели позволяет провести оснащение ряда процедур цифровыми технологиями (формализация интерпретации и верификации, встраивание механизмов предотвращения переноса управленческой власти на обезличенные модели и формальные рекомендации) [Бушина, 2026. С. 93–100].

В частности, модель Дрора эффективна при оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 года № 68). В структуре Перечня показателей оценки эффективности деятельности указанных категорий управленцев на первое место выведен пункт, в котором поставлено основное условие обеспечения управления субъектом с акцентом на национальную безопасность: «Доверие к власти (доверие к Президенту Российской Федерации, высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации». Степень доверия как категория этическая не может быть в полной мере исчислена в количественных (например, процентное соотношение) показателях, поэтому определение его уровня следует проводить, в соответствии с положением указа Президента РФ, «посредством оценки общественного мнения в отношении достижения в субъектах Российской Федерации национальных целей развития Российской Федерации». Нормативно-оптимальная модель И. Дрора позволяет делать это с достаточной тщательностью и ответственностью за результат.

Литература

Агаев М.А. Влияние популизма на демократию в контексте современной политической теории. *Вестник Пермского университета. Политология.* Т. 14. № 3. 2020. С. 46–52.

Баранов Н.А. Возрождение популизма: европейский опыт и российские практики. *Вестник СПбГУ. Сер. 6.* 2015. Вып. 3. С. 25–36.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Simulacres et simulation / пер. с англ. А. Качалова (2011). М.: Рипол-классик, 2015.

Бушина Ф. Роль ментальной пластичности в работе государственных служащих в условиях цифровой трансформации управления. *Государственная служба*. 2026. № 1. С. 93–100.

Гарбузняк А.Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе. *Знание. Понимание. Умение*. 2019. № 1. С. 185–186.

Дегтярев А.А. Принятие политических решений. М.: КДУ, 2004.

Ефанов А.А. Падение доверия к телевидению: социологический взгляд на проблему. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки».* 2018. Т. 18. № 2. С. 89–94. DOI: 10.14529/ssh180214

Земанек Л. Подъем авторитаризма на Западе и глобальный переход к полицентризму. *Россия в глобальной политике*. 2023. Т.21. № 4. С. 82–99.

Логинов А. В. Теория политического цикла как методологическая основа для иссследования политического процесса. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2011. № 4 (20). С. 9–19.

Ненашева А.В. Журналистика и доверие на современном этапе развития. *Гуманитарные научные исследования*. 2014. № 12. Ч. 1. https://human.snauka.ru/2014/12/8532

«Политика постправды» и популизм / под ред. О.В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2018.

Социум

Родосский Н.А. Постправда или фейк: проблема истины в социальных медиа. СПб.: Владимир Даль, 2023.

Савельева Е.Н. Постправда: предпосылки, истоки, особенности дискурса. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2024. № 55. С. 80–86.

Соколов Ю.Н. Общая теория циклов: проблемы методологии // Циклические процессы в природе и обществе. Вып. 1. Ставрополь, 1994. С. 9–37.

Соловьев А.И. Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации. *Полис. Политические исследования*. 2015. № 3. С. 127–146.

Телин К.О. Processing values, processing reality: приложение нормативно-оптимальной модели Иезекиеля Дрора к принятию государственных решений в современной России. *Государственная служба.* 2025. № 5. С. 25–32.

Феофанов К.А. Постправда: фактор деградации социально-политического дискурса. *Обозреватель – Observer*. 2023. № 2. С. 36–51.

Шавеко Н.А. Популизм как угроза демократии. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 4. С. 514–521.

Шевченко А.А. «Постправда» как новый «режим истины». *Гуманитарный вектор*. 2019. Т. 14. № 4. С. 8–14.

Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы. М.: Изд-во «Граница», РАГС, 2005.

Deneen, P. Regime Change: Toward a Postliberal Future / Sentinel. 2023. In English

References

Agaev M.A. The influence of populism on democracy in the context of contemporary political theory. *Bulletin of Perm University. Political Science*. Vol. 14. No. 3. 2020. P. 46–52. In Russian

Baranov N.A. The revival of populism: European experience and Russian practices. *Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 6*. 2015. Issue. 3. P. 25–36. In Russian

Baudrillard J. Simulacra and simulation / Simulacres et simulation / translation from by English A. Kachalova (2011). Moscow: Ripol-klassik, 2015. In Russian

Bushina F. The role of cognitive flexibility in civil service under conditions of digital governance transformation. *Public Administration*. 2026. No. 1. P. 93–100. In Russian

Garbuznyak A.Yu. Post-truth phenomenon: the devaluation of fact in media discourse. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2019. No. 1. P. 185–186. In Russian

Degtyarev A.A. Political decision-making. Moscow: KDU, 2004. In Russian

Efanov A.A. Falling confidence in television: a sociological view of the problem. *SUSU Bulletin. Social Sciences and the Humanities series*. 2018. Vol. 18. No. 2. P. 89–94. DOI: 10.14529/ssh180214. In Russian

Zemanek L. The rise of liberal authoritarianism and global transition to polycentrism. *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21. No. 4. P. 82–99. In Russian

Loginov A.V. The theory of political cycle as a methodological basis for studying the political process. *News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences*. 2011. No. 4 (20). P. 9–19. In Russian

Nenasheva A.V. Journalism and trust at the present stage of development. *Humanities scientific researches*. 2014. No. 12. Part 1. https://human.snauka.ru/2014/12/8532. In Russian

«Post-truth politics» and populism / edited by O. V. Popova. St. Petersburg: Skifia-print, 2018. In Russian

Rodossky N.A. Post-truth or fake: the problem of truth in social media. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2023. In Russian

Savelyeva E.N. Post-truth: prerequisites, origins, features of discourse. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2024. No. 55. P. 80–86. In Russian

Sokolov Yu.N. General theory of cycles: problems of methodology // Cyclical processes in nature and society. Issue 1. Stavropol, 1994. P. 9–37. In Russian

Soloviev A.I. Government decisions: the conceptual space and dead ends of theorization. *Polis. Political studies*. 2015. No. 3. P. 127–146. In Russian

Telin K.O. Processing values, processing reality: applying Yehezkel Dror's normative-optimal model to public decision-making in modern Russia. *Public Administration*. 2025. No. 5 P. 25–32. In Russian

Feofanov K.A. Post-truth: a factor of the degradation of socio-political discourse. *Obozrevatel–Observer*. 2023. No. 2. P. 36–51. In Russian

Shaveko N.A. Populism as a threat to democracy. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, and Economic Sciences*. 2024. Vol. 9. No. 4. P. 514–521. In Russian

Shevchenko A.A. «Post-truth» as a new «regime of truth». *Humanitarian Vector*. 2019. Vol. 14. No. 4. P. 8–14. In Russian

Shevchenko A.V. Information stability of the political system. Moscow: Izdatelstvo «Granitsa», RAGS, 2005. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Алевтина Владимировна Шевченко, доктор политических наук, профессор Института права и национальной безопасности

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: ashevchenko@ranepa.ru

Для цитирования: *Шевченко А.В.* Нормативно-оптимальная модель Дрора против постправды и постдоверия. *Государственная служба*. 2026. № 2. С. 68–74.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Sci. (Political Science), Professor, Institute of Law and National Security Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: ashevchenko@ranepa.ru

For citation: *Shevchenko A.V*. Dror's Normative-Optimal Model in the context of post-truth and post-trust. *Public Administration*. 2026. No. 2. P. 68–74.